

Государи Московские

МЛАДШИЙ СЫН

ВЕЛИКИЙ СТОЛ

БРЕМЯ ВЛАСТИ

СИМЕОН ГОРДЫЙ

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

ОТРЕЧЕНИЕ

СВЯТАЯ РУСЬ

ВОЛЯ И ВЛАСТЬ

ЮРИЙ

Дмитрий Балашов

ГОСУДАРИ
МОСКОВСКИЕ

СВЯТАЯ РУСЬ

Том первый

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Б 20

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-25703-0 (т. 1)
ISBN 978-5-389-25639-2 (комплект)

© Д. М. Балашов (наследники), 1997
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

МОЛИТВА

Господнею ли волей нисходит на землю то, что мы называем «пассионарностью», а иноки-исихасты XIV столетия — «энергиями Божества»? Впрочем, последнее не совсем точно и даже совсем неточно, ибо пассионарность — биохимическая энергия вещества, а фаворский свет нематериален, — и все же!

Мужество воина, одержимость художника, дерзость купца, тяжкое упорство пахаря, незримый и повседневный героизм женщины-жены, без которого не стоят мир и все сущее в нем... Трудно назвать иначе, как творением Божьим, ту энергию, которая дает силу жить, любить, созидать и верить в чудо преображения сущего, которая волшебным и властно раздвигает века и пространства, открывая духовному взору далекие причины и грозные следствия нашего ежедневного бытия, позволяет заглянуть за грань суетного, отринутое близкое ради дальних и великих целей, позволяет обежать мыслью тысячелетия скорби и мелких, тленных, как и все наше бытие, радостей и узреть в муравьином кишении поколений грозный очерк великого замысла и череду слепительных или же горьких свершений! Ибо жизнь человеческая — это жизнь листа на дереве. Отпадет и умрет лист, и нарастут новые в непрерывной череде и смене весны и осени, умрет лист, но не престанет жить дерево, доколе и оно не исполнит назначения своего. Но и без кратких, с весны и до осени, жизней листьев не живет, умирает дерево. Без постоянных усилий, борений, труда граждан своих не живут, исчезают великие некогда народы, оставляя векам немые могилы да каменную скорлупу былых пристанищ творческого духа своего.

Высшее ли ты во Вселенной наделенное разумом существо, о человек? И тогда, увы, согнет тебя, яко колеблемую ветром трость, всякий сильнейший тебя, и не обязательно разумом сильнейший, нет, попросту насилем силы превосходящий силу твою... Или же есть высшее тебя духовное существо, кого мы называем «Он», толкуя

о Господнем промысле и незримом создателе зримого мира? И тогда, о, тогда ты лишь перед «Ним» и ответствен в деяньях своих, человек, и не побороть тебя силе земной, силе зла, во веки веков, ибо пред «Ним» и сила бессильна, и разум обнаружит тщету ухищрений своих, и, приняв на себя крест и содеявшись рабом Высшего, ты, в земном бытии, становишься всемогущим, ибо ответ у тебя — токмо единому Богу, токмо ему, но не кесарю! Коему — лишь кесарево, то, что преходяще и пленно. И я вновь молю Вышняго мя: дай силы на деяние! Помоги охватить взором неохватное! Дай мне, малому, вместить великое, настолько большее крохотного и смертного моего существа, что уже прикоснуться к тому краю, узреть, почуять, догадать хотя о бывшем до меня и то будет сущее чудо, явленное тобою, Господи!

...Ночь объяла землю. И в тишине темноты не видно звезд. Но где-то там проходят, с дрожью неслышимого гула, тысячелетия, слагаясь в стройный очерк народной судьбы, и я вновь ужасаюсь и дивлюсь мужеству предков, сотворивших из праха, из смертного своего существа бессмертное, и взываю, и вопрошаю их, уснувших в земле: кто дал им подобное чуду мужество, кто позволил из грязи и крови корыстных и мелких дел восстать до деяния, осветившего и освятившего последующие за ними века? Кто позволил им горечь истории претворить в мед бессмертной величавой памяти, которую даже мы, в бессилии своем, не возможем повергнуть во прах?

Туда ли взгляну, в безмерную глубину просторов Востока, откуда обрушилась на нас монгольская конница, и дали те вопрошу, и мыслью мыслю: не для того ли пришли эти всадники на своих неутомимых конях, не для того ли лилась кровь, уводились полоняники, плелись союзы и заговоры, скакали послы через половину земного круга, дабы в час иной, в час нашей из праха восставшей славы поворотили мы лик к этой безмерности и обратной волною русской предприимчивой дерзости прошли и одолжи Сибирь, выйдя к бушующим волнам далекого Охотского моря? Не для того ли глухим копытным топотом пролилась оттуда череда народов и племен, дабы Русь обрела величие свое в кровавом, кровном и братском объятии с народом степей? Что мы без Сибири? И можно ли так, небрегая трагедией женки, угнанной в татарский полон, слезою дитячьей, пожарами городов и смертями ратников, судить и править о столетиях судьбы? Но и не судить, и не править, и не взглядывать в лик вечности — как? Обречь ли себя на единые заботы сего дня, без загляда в передние и задние «полы времени», как называл их древний поэт? Не промысел

МОЛИТВА

ли то был и не должны ли мы теперь, по миновении кровавых и горьких лет, поклонить Востоку, давшему нам величие dneшнего бытия? И, в свой черед, помыслить об ответственности нашей перед грядущими вослед нас за все то маломысленное и гибельное, что сотворяем однеь над землею предков и народом своим? Ибо не мы, не мы господа и создатели земли, мы только держатели, и суд грядет, и суд неотвратим, и гибель свою, как и спасение, сотворяем мы «своима рукама», и плата за грех не станет ли свьше сил наших? Горько быть потомком великих отцов! Но и счастье — прикоснуться к величию пращуров!

Я оставил смертных героев моих у великого рубежа, когда, неодолимое уже, нарастание сил вскоре приведет русичей на Куликово поле, когда, как подарок судьбы (упорному — дастся!), обрушились во взаимной борьбе грозные множества Орды и Литвы, могущие, в совокупности, при ином сложении событий и сил, охватить, потопивши в крови, родину наших отцов, и когда открылся наконец, с переломом военной судьбы, тот путь в грядущее, путь обратного стремления на Восток, который уже через немногие века сотворит нашу великую Родину.

Пахнет травой. Пахнет конским потом, и нога привычно упирает в железное стремя. Что там, за волнами седой травы, которую когда-то сменят хлеба? Что там, за синюю далью лесов, за горами, за Камнем, за степным окоемом, за багряным разливом заката, за гранью смертной судьбы? Что там? Кони. Ветер. И далекие, за спиною, звоны колоколов — Родина, Русь. Святая Русь. Помолись обо мне, отче Сергие, и ты, владыка Алексий, благослови на труд малого и дальнего писца своего!

КНИГА ПЕРВАЯ
СТЕПНОЙ ПРОЛОГ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Река мерцала лениво и сыто, как глаза отдыхающего барса. Дул холодный ветер, и листья шуршали, высыхая. Над тугаями, удаляясь к противоположному берегу, пролетела стайка серых цапель. Идигу Барлас опустил лук, не спустив тетивы, и осторожно направил коня туда, где с криком вились потревоженные птицы. Нукеры ехали за ним след в след. Шарып на ходу наложил стрелу, слегка натягивая тетиву. Лошадь с шорохом раздвигала боками стебли камыша. Долгие ветки карагачей цеплялись за стремяна и одежду. Идигу запрещающим взглядом остановил нукера. Выйдя на отмель, конь, захрапав, вспятил и встал. На песке, видимо, до того, как потерять сознание, добравшись к изножию кустов, лежал полуголый, подплывший кровью человек. Лошадь первая почуяла жизнь в сизом от холода и потери крови полутрупe и тихо ржанула. Нукеры, столпясь за спиной, начали спрыгивать с седел. Идигу думал. Предчувствие говорило ему, что беспомощный беглец с того берега не был простым ратником. Он сделал разрешающий знак, и воины подступили к незнакомцу. Когда его перевернули лицом вверх, грудь раненого судорожно вздыбилась, и он застонал, не открывая глаз. Туган достал нож и, взрезав предплечье незнакомцу, извлек из раны наконечник стрелы. Тот застонал опять, все так же не приходя в сознание. Свежая кровь потекла из раны. «Будет жить!» — разглядывая незнакомца, подумал Идигу.

Туган молча и споро снимал длинные полосы коры с молодых ивовых побегов. Потом, вырвав клочок войлока из потника и наложив на рану, стал заматывать в лубки предплечье раненого. Беглеца закутали в овчинный чапан, посадили верхом на круп Шарыпова коня, для верности обвязали арканом. Голова раненого безвольно болталась за спиной Шарыпа, из оскаленного рта текла слюна по полам с водой, с раскисших кожаных штанов струйки воды сбегали

по крупу лошади и змеистой цепочкой следов отмечали путь идущего шагом Шарыпова жеребца...

Незнакомец был молод и жилист. Человек, сумевший со стрелой в предплечье одолеть Сайхун, должен был быть хорошим воином. Идигу теперь уже почти догадывал, кого он нашел в тугаях, и несколько раз зорко обернулся, ища на том берегу вооруженных нукеров Урус-хана. Но берег был пустынен. Видно, преследователи поверили в смерть беглеца и повернули назад.

Идигу ехал, прикидывая, к добру ли то, что он делает теперь? Ежели только он прав в предвиденьи своем и спасенный им воин не окажется попросту каким-нибудь сотником разбитого Тохтамышева войска, похожим на своего повелителя! И как встретит его теперь и как поведет себя Железный Хромец, Тимур-Ленг? Быть может, раненого надо было оставить в тугаях? Или добить? Или попросту проехать мимо, не обративши внимания на суетливую птичью возню в зарослях камыша? Быть может, это не поздно совершить и теперь? Так, ничего толком не решив, Идигу Барлас въехал на высокий берег. Теперь, миновав тугаи, возвращаться вспять было уже поздно. Он слегка сжал сапогами бока коня, выпрямившись в твердом монгольском седле с высокими, отделанными серебром, красными с исподу луками, и жеребец послушно пошел рысью.

Поступки Тимура непредсказуемы. Одинаково легко он может вновь оказать милость разбитому или казнить, но пусть решает сам! Вдали показался конный разъезд, близил Сауран, и Идигу отбросил сомнения. Теперь о беглеце надлежало решать только самому повелителю Мавераннахра. Урус-хан опять оказался сильнее. Погибли палатки, оружие, верблюды, кони... Погибли воины! Токтакия разгромил Тохтамышу в пух. Уже не первый день они проверяют убитых в этом несчастном сражении и подбирают раненых, кого еще можно спасти... Он скользом глянул на Шарыпа. Голова раненого все так же болталась из стороны в сторону за спиной нукера, и Идигу вновь подумал о том, что ежели он угадал, то далеко не ясно, захочет ли великий эмир позволить этой голове и впредь оставаться на своих бесталанных плечах?

Как знать, не пошла ли бы иначе вся история Великой степи и даже далекой России, ежели бы посланцы Тимура не нашли раненого Казанчи-Бахадуром Тохтамышу в кустах и не сумели, согрев беглеца и накормив жирной шурпой, сохранить ему жизнь?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Между великими реками Сейхуном и Джайхуном (Сырдарьей и Амударьей), вытягиваясь к юго-востоку, в горы древней Согдианы, а к северу-западу обтекая двумя рукавами пески и спускаясь к Аральскому морю, лежит страна. В ее древней серо-желтой земле можно отыскать наконечник скифской стрелы и стертый статир с профилем Александра Македонского, а то и обломок серебряного парфянского блюда. Кетмень земледельца то и дело ударяет по древним глиняным черепкам, оставленным народами, утонувшими во мраке времен. Заступ отрывает кости многообразных древних захоронений. Южная часть этой земли, что простерлась у отрогов Памира, там, где стояли погибшие в арабском нашествии города согдов, у перевалов и ущелий, уводящих в сторону Сеистана и Индии, называется Мавераннахр, с древними городами: Самаркандом, Бухарой, Кешем, Термезом, Ходжентом. Северная, в низовьях Джайхуна, это — Хорезм, где главный город — Ургенч.

За Джайхуном начинаются Хорасан и Иран, так же как и Мавераннахр с Хорезмом, входившие некогда в обширное государство хорезмшахов, а дальше Азербайджан и Арран, горы Кавказа, земли язычников и христиан: страна Наири, Картли, Имеретия и прочие земли грузин, дальше — Рум, ныне почти завоеванный османами, еще далее — богатые города: Багдад, Халеп и Дамаск, и море, и земли франков, а к югу, в Аравийской земле, Медина и Мекка, святыни ислама, собирающие паломников со всех земель, подчиненных зеленому знамени пророка... К востоку же, за Сейхуном, за пограничным Отраром, придвинулась к Мавераннахру Дикая степь, Дешт-и-Кипчак. Семиречье, земли кочевых джете, и Могулистан, Синяя и Белая (на Иртыше и в Прииртышье) Орда, за которыми страна соболей и куниц, горы Алтая, бескрайние леса Сибири, Енисей, и еще дальше — монгольские степи, откуда почти два века назад вылилась на земли Мавераннахра страшная степная конница...

Много веков спустя возникла столь же красивая, сколь и далекая от всякой реальной основы легенда, что монголы сокрушили в Азии устроенное и цветущее государство хорезмшахов, не устоявшее перед ними в силу одной лишь недалекости своего повелителя, хорезмшаха Мухаммеда. Действительность была и печальнее, и страшней. Не существовало «цветущего и устроенного» государства! Было измученное поборами, сотни раз ограбленное насильственным скопле-

ние завоеванных владений, коему и название государства мало подходило, где не было закона, ибо закон — это всегда соглашение между двумя силами, а было голое право силы, определявшей и размер налогов, и саму жизнь и смерть граждан своих. Оно распалось, как пересохший глиняный ком, оно и должно было развалиться под первыми же ударами сильного и дисциплинированного врага. И то, что хорезмшах не сумел собрать единого сильного войска, было отнюдь не случайностью, не прихотью бездарного повелителя, а обнажением лоскутной сущности Хорезмийской империи.

И все-таки оживание, возрождение разгромленного некогда государства шло. Хотя бы в виде разбойничьих войн и смут, в которых происходило трудное выяснение — кто есть кто?

Тюрки, или турки (что правильнее), подчинившиеся потомкам монгольских ханов в Семиречье, Кашгаре и Джунгарии, взяли себе название «моголы». Из них состояло в эту пору население Синей и Белой Орды. Те же тюрки, которые перемешались с согдийцами и за протекшие полтора столетия стали считать земли Мавераннахра своими, звались «чагатаи» и теперь уже боролись со степняками-моголами, или семиреченскими джете («джете» — значит «разбойничья шайка»), за восстановление прежнего мусульманского государства. Мусульмане при этом боролись с христианами и язычниками. Династия Куртов в Герате и Кандагаре выступала против турок-чагатаев. Хорезм пробовал отъединиться в самостоятельное государство. Местная династия Музаффаридов явилась в Персии, в Ширазе и Исфагане. В городах началось повстанческое движение сарбадаров (от их военного клича «Сар ба дар!» — «Лучше смерть!»), направленное против монгольских правителей. Сарбадары выдвигали уравниательные идеалы и там, где добивались власти, как в Хорасане, где они продержались тридцать лет, старались уравнивать всех в доходах, вводя распределительный коммунистический принцип, что, в свою очередь, приводило к сопротивлению зажиточной верхушки и мусульманского духовенства, которые выступали против сарбадаров и искали себе сильного повелителя, способного установить единую твердую государственную власть. Таким правителем стал сперва Казаган, глава эмиров Мавераннахра, а после его смерти — Хусейн, внук Казагана, выступивший против захватившего Мавераннахр семиреченского хана Туклук-Тимура и его сына Ильяса-Ходжи. Хусейн не был талантлив, но в его тени подрастал сын Тарагая, бедного эмира из Кеша, — Тимур.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Самарканде разноголосо лаяли собаки. Выходила луна. Дневной жар сменился легкой прохладой. Над излучистой серебряной лентой Заревшана повис невесомый прозрачный туманный полог. Внизу ярко пылал костер, пожирая узластые ветви карагача, и в его багровых сполохах была вычеканена по черному небу узорная вязь все еще отягощенных плодами апельсиновых и яблоневых деревьев нового сада-дворца. Полы юрты были раскинуты, и запах готовящейся шурпы доносил к изножию шатра.

Тимур, морщась от застарелой боли в ноге, осторожно снял со своей груди руку спящей Сарай Мульк-ханум, тонкую руку в тяжелых серебряных браслетах, украшенных индийскими самоцветами. Жена только пошевелилась во сне, складывая ладони и удобнее умащиваясь на мягком, застланном бараньими шкурами и накрытом шелковым покрывалом ложе, по-детски почмокала; лицо ее, едва различимое в сумерках ночи, казалось сейчас гораздо моложе и беззащитнее, чем при свете дня, в россыпях ценных уборов и парчи, в гордом сознании своего могущества первой и любимой жены повелителя. Сон отнимает волю и отдает человека в руки врагу. Тимур мало спал, и не только от мучившей его старой раны, и всегда, как и теперь, окружал свой покой надежной и верной охраной. Неустрашимый в бою, он не мог, не имел права позволить себе тихо умереть от руки ночного убийцы, какого-нибудь потомка безумных ассасионов или упрямого сподвижника мертвого Хусейна.

Из гарема Хусейна взята им и Сарай Мульк-ханум, наследница славы Чингисидов. Тимур не был Чингисидом ни с какой стороны. И потому держал при себе подставного хана, и потому вторично дал войско Тохтамышу, направив его против властного повелителя степей, Урус-хана Белоордынского. В первом сражении Тохтамыш был разбит наголову, но погиб и любимый сын Урус-хана, Кутлуг-Бука, что одно явилось почти победой!

...И с матерью эмира Хусейна, когда-то — союзника, после — врага, теперь — сановитого покойника, Тимур был все эти пять лет почителен и дружен, насколько может быть дружен убийца с матерью убитого. Нынче старая женщина умерла, освободив его, Тимура, от тяжкой для воина ноши. И уже собраны мастера, дабы воздвигнуть для нее пристойный мавзолей, невдали от мавзолея любимой сестры Тимура, отравленной три года тому назад...

Мысли о смерти приходят ночью, днем он не дает им воли да и попросту не думает пока о возможном конце. Слишком многое надо успеть содейть ему в этом мире, столь ничтожном пред величием Аллаха, столь ничтожном и малом, что не стоит иметь для него на земле больше одного повелителя!

А их, «повелителей», в одном Мавераннахре — сотни. Но и среди всех бесчисленных беков, эмиров, дехкан и бохадуров Хусейн был кровавой собакой. Только из-за Хусейна они проиграли «Джанги-лой», знаменитую «Грязевую битву» с моголами Ильяса-Ходжи. Бой, в котором кони, проваливаясь по грудь, падали на колени, а трупы павших плавали и тонули в раскисшей глине. Дождь хлестал по степи четверо суток подряд, пока они не поймали и не казнили вражеского ядаци, заклинателя дождя... Кони не шли. Но не шли и могольские кони! Все, что должен был содейть Хусейн, — это спешить своих воинов, загородиться большими щитами, чапарами, и расстреливать из луков бредущую шагом конницу Ильяса-Ходжи. Но Хусейн струсил и повернул вспять, заставив отступить и его, Тимур!

Они бежали в Самарканд, потом в Балх, и, ежели бы не сарбадары, не Мавлоно-заде, поднявший на бой жителей Самарканда, невесть чем бы и кончилось и куда бы еще бежали они с Хусейном.

Этот Мавлоно-заде, учащийся медресе, произнес пламенную проповедь, вдохновил и вооружил народ, они загородили улицы, впустили конницу Ильяса-Ходжи в город и в узких глиняных ущельях, где не повернуться коню, перебили до двух тысяч степных воинов. А там у джете начался конский мор, и Ильяс-Ходжа отступил со срамом, потеряв три четверти своей конницы...

И что же содейал Хусейн после этого? Заманив вождей сарбадаров к себе в лагерь, поволок всех на плаху. Он, Тимур, выпрашивал жизнь Мавлоно-заде на ступенях виселицы! Ученые люди далеко не все храбры, а храбрые воины редко бывают учеными. Таких людей, как Мавлоно-заде, надлежит беречь. Поощдив молодого вождя, он, Тимур, купил себе дружбу и поддержку святых мужей: казы, улемов, шейхов, суфиев и муфтиев, без которых можно совершать подвиги, но нельзя удержать власть, чего Хусейн тоже не понимал!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тимур приподнялся на локте, потом, скрипнув зубами, встал. Он ненавидел ее, эту постоянную боль в ноге, в которой, опять же, был виноват Хусейн! Это Хусейн тогда, в Сеистане, втянул его в ноч-

ной грабеж, в котором он оказался изувечен, избит до полусмерти и брошен с поврежденным бедром, коленом и правой рукой, на которой с тех пор не работает скрюченный указательный палец. С тех пор он не может писать, а они слагают легенды о его неграмотности! Хотя он сам проверяет грамоты писцов, сам и читает важные письма. Слава Аллаху, рука, сросшаяся в локте, по-прежнему крепко держит саблю, а согнутая в колене правая нога уверенно упирается в стремя коня. Эмир, воины которого так обошлись с ним, Тимуром, заплатит смертью. Обид своих он, Тимур, не прощает никому!

Днем, верхом, в походах, боль почти не чуялась. Но в ночной тишине боль возвращалась опять, не давая спать, заставляя думать... Он прошел, чуть прихрамывая, неслышной походкою раненого барса, вышел под высокие звезды черной ночи. Гулямы внизу уже садились к котлу, и Тимур помыслил, с оттенком раздражения, что в войске его не многим больше правоверных мусульман, чем у степных кочевников Могулистана...

Вселенная в строгой устроенности своих холодных звездных миров тихо поворачивалась у него над головою. Если бы он не стал сначала степным разбойником, потом союзником Хусейна, а ныне — мужающим повелителем Мавераннахра... Если бы не стал!.. То, возможно, содеялся учеником кого-нибудь из мудрых звездочетов и ныне бессонными ночами следил с высокой башни за неспешным течением планет, угадывая в сплетениях звездной цифири людские судьбы, причудливо связанные с далекими светилами ночи. И, остро взглядывая в лицо какого-нибудь дехканина или купца, чертил на лучшей в мире самаркандской бумаге гороскоп просителя, отмечая сложение его судеб, счастливые и несчастные дни, воздействия Зухры (Венеры) и Марса... Возможно, когда-нибудь в старости, когда дело его жизни будет закончено, и ведомый мир объединит единая властная рука, и вырастут дворцы среди садов, и величественные мечети, и медресе, являя всемирную славу его Самарканда... Нет, невозможно! Слишком уж далеко! Пророк велел вести священную войну против неверных. Но что бы сказал Мухаммед, узнав, что войну приходится вести против своих, против мусульман? Вот и арабы уже семь веков режут друг друга. Явно Иблис испортил творение Божие на земле! Насколько стройнее и строже тот, горний, мир над нашими головами, в твердых аэра!

Почему они все так упорно цеплялись за своего Хусейна? Разве небесные знаменья не обещали ему, Тимуру, власти над миром? Разве сам Всемогущий не спасал его от смерти в бурной степи и в бою,

многажды уводя от ножей заговорщиков? Разве не ему свыше заповедано быть карающим мечом Аллаха?

...Боль все возвращалась и возвращалась. Сарай Мульк-ханум спала. Покойная Туркан-ага давно бы уже встала, почуяв, что его нет рядом с нею. С ее смертью из его жизни ушли женское участие и доброта. И как он ненавидел ее брата, Хусейна! Хотя и пытался любить... Увы. Два барса не уживаются в одной норе!..

Ульджай Туркан-ага умела, поглаживая его по бедру, снимать боль. Его первая жена, делившая с ним тяготы бегства и плена. И Хусейна он терпел так долго только из-за нее. Нет, не только из-за нее!

О нем, Тимуре, плетут небылицы уже сейчас. Будто бы он начинал свой путь главарем шайки разбойников, отнимая у кого барана, у кого два... С такого нищего воровства «подымаются» только до края канавы, у которой схваченным грабителям рубят головы. Во всех этих рассказах лишь тот смысл, что большинство эмиров Мавераннахра не больше чем такие вот разбойники с караванного пути, разбегающиеся кто в Сеистан, кто в Хорасан, чуть только на здешние земли хлынет новая волна завоевателей из Могулистана во главе со своим хаканом.

Да! Судьба дала ему куда меньше, чем Хусейну, как-никак, внуку Казагана! Старый Тарагай не совершал подвигов. Он пас баранов и кормил семью. Хлопотал, дабы Тимур окончил школу. Познакомил его, тогдашнего нравного мальчишку, с шейхом Шамс-ад-Дином Кулали и тем дал его голове всегдашнюю защиту высших сил. Он ведал, чуял, старый хлопотун Тарагай, что сына ждет непростая судьба. Да, его не научили арабской речи! Однако воину-турку достаточно знания таджикского и персидского, кроме своего, турецкого языка. Как унижался отец, вводя его во двор властного Казагана! А эта полуполюгенда-полумечта о монгольских предках из рода Барласов... Монгольского языка он уже не ведает, как не ведает его никто из нынешних Барласов Мавераннахра. И лицом он уже не монгол: и высокий рост, и ширина плеч, и этот нос, эти крупные губы, и густая борода, и цвет глаз — все досталось ему от иных — местных — предков. Быть может, от древних согдов или таджиков... Арабского в нем тоже нет ничего. Он турок, тюрк, и все-таки род Барласов, капля крови победоносного монгольского племени, — это то, что помогало и помогает ему всегда. Если бы еще он каким-нибудь боком был Чингисидом! Но этого нет, и он не будет придумывать себе иную родословную. Честь воина — в его деяниях! Ему, Тимуру, достаточно звания эмира, или гури-эмира, эмира эмиров, что тоже еще впереди...

Нет, не баранов воровал он у местных жителей! Когда Тарагай, состарясь, ушел от дел, он, Тимур, принял отцовы стада и рабов, устроивши все должным образом. В его Кеше никогда не творилось ни диких поборов, ни грабежей.

Это Хусейн не постыдился потребовать дань с его, Тимуровых, эмиров, возмещая убытки своей неудачной войны. И когда Тимур, расплачиваясь за обнищавших соратников, отдал драгоценности Ульджай-ханум, то Хусейн лишь посмеялся, узревши перстень своей сестры, но и не подумал вернуть его. Родной сестре! Жене Тимура! Жене сподвижника, не раз и не два спасавшего его от гибели! Он был скуп и скареден, он был жаден и чванлив, эмир Хусейн, хозяин Балха!

ГЛАВА ПЯТАЯ

И как все когда-то хорошо начиналось! Он верно служил Казану, трижды спасая его от ножей убийц. Он верно служил затем Туклук-Тимуру, охраняя Мавераннахр. Думал ли он тогда, что об него вытрут ноги, что его вышвырнут, как старое платье, что хакан посадит на престол Мавераннахра своего сына Ильяса-Ходжу!

Вот так и обрушилась его «честная служба»! Обрушилась враз, ибо, когда Ильяс-Ходжа явился с войском, эмиры вновь разбежались, как мыши, и они с Хусейном вынуждены были бежать в Сеистан.

У него оставалось всего шестьдесят всадников, когда отряд стада догонять тысячная толпа добровольных радетелей Ильяса-Ходжи. И он принял бой, самый отчаянный бой в своей жизни. Бой, когда дюжины его жалкого отряда во главе с отчаянными эмирами Тага-Бугай Барласом и Сайф-ад-Дином Никудерийским раз за разом врубались в гущу вражеской конницы. Бой, когда победить было невозможно, и все оставшиеся в живых его эмиры стали героями, обращая вспять и расстраивая сотни врагов, когда он сам, пеший, с мечом в руках, спасал от гибели эмира Хусейна. Бой, в котором надобно было стать Рустемом или Исфендиаром, дабы победить; бой, в котором он и дрался, как Рустем. И все же, потеряв и растеряв всех, должен был отступить едва с семью соратниками...

Под ним дважды убивали коня, и Туркан-ага отдала ему своего, и все равно шесть десятков не сумели одолеть тысячу, и, когда он скакал по степи, вновь уходя от погони, полсотни врагов все еще догоняли его крохотный караван...

Не хватало коней, жена и сестра шли пешком. По дороге попался колодец. У пастуха купили двух баранов, дабы накормить падаю-

щих от голода соратников. В пути к ним присоединились трое подлых грабителей и ночью украли коней, а после того их всех чуть не убили туркмены.

В местности Махмудия их настиг, полонил и перевязал эмир Али-бек Джаны-Курбаны. Не расспрашивая ни о чем, пленников привели к нему, и Тимура кинули в яму, где ползали по вонючим обрывкам шкур неисчислимые стада вшей, буквально сжирая его тело, где черствые отгрызки чьих-то трапез да гнилая вода были его единственным кормом, где, верно, сотни пленников ходили под себя год от году и посему лежать приходилось на гнилых полусухих человеческих калах, в лужах застарелой мочи. И так — пятьдесят два дня подряд, без света, надежды, слова хоть о каком-то конце!

Вот оттуда, из смрадной, полной паразитов ямы, и началось его новое, нынешнее восхождение. С того часа, когда он, уговорив стражника, получил меч и, разрезав путы на ногах, выбрался из затвора, разогнал испуганную охрану и ворвался во дворец туркмена, которому (Аллах не отвернулся от Тимура!) как раз доставили письмо его родного брата, советовавшего выпустить и одарить пленника... С тех пор он, Тимур, положил в сердце своем — никого не ввергать в окопы без худа и следствия.

Ульджай-ханум тоже была в плену, и он, Тимур, позже никогда не спрашивал жену, что творили с нею туркмены. Он все же был счастливее Темучжина, старший сын которого, Джучи, был зачат, когда Бортэ находилась в плену у меркитов. Его первенец, Джехангир, зачат отцом. Он, Тимур, может верить, что это именно его сын, и ничей другой.

...Было это давно. Ему было пятнадцать лет, и он пас стадо своего отца, когда увидел, как к реке подошла женщина за водой и на нее набросился рослый турок. На крики женщины прибежал мужчина, родич или муж, но турок оказался сильнее, он одолел и связал мужчину чересседельником, после чего связал руки женщины кожаным поясом и изнасиловал ее на глазах у защитника. И он, переживая неведомое ему тогда душное волнение в крови, смеялся увиденному. Но потом, обмысливая, понял, что турка следовало убить. И ему, сыну эмира, придя к власти, надлежит карать насильников смертью. Ибо есть жены, есть блудницы, торгующие собою на рынках, есть пленные рабыни — утехы воинов, но не должно разрушать семью, на которой, по слову пророка и устроению Всемогущего, держится все сущее во Вселенной. И вот еще почему у него, в Кеше, этого нет и пахарь может всегда быть спокоен за своих близких при его, Тимуровой, власти.

Да, вырваться из ямы — это было всего лишь полдела. Труднее было ему вновь обрести воинов, но судьба, испытавшая его до зела, ныне повернулась лицом к Тимуру. От бека Джаны-Курбаны он уезжал с двенадцатью всадниками. Скоро к нему присоединились еще пятьдесят конных туркмен. Затем подошел Мубарак-Шах со многими воинами и двести конников из Хорасана. Непередаваемо словами чувство полководца, когда в степной дали показывается черное пятно, пятно растет, рассыпаясь муравьиной чередой скачущих всадников, и уж на подходе различаешь блеск оружия, цвета одежд, и вот наконец подскакивает в опор гонец с вестью, что идут подкрепления, и ты становишься сильней и сильней с каждым таким приездом! Скоро он имел уже тысячу конных воинов и вновь соединился с Хусейном.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

А что было потом? Он, Тимур, завоевывал города, а Хусейн забирал себе добычу из них. И вновь предавал, и пытался отдать Мавераннахр другому, и устраивал засады, дабы убить его, Тимура, спасшегося единою волей Аллаха!

В конце концов они выгнали Ильяса-Ходжу из Мавераннахра. Но каждый раз, когда ему, Тимуру, светила звезда счастья, Хусейн спешил напакостить, рассорить его нойнов, перекупить эмиров, падких на золото...

И уже потом, когда Ульджай Туркан-ага умерла и последнее, что связывало их друг с другом, оказалось прахом, перстью, зарытой в земле, воспоминанием, приходящим вот так, бессонными ночами, когда прояснело, что вдвоем с Хусейном им не выжить в Мавераннахре и один должен уступить, исчезнуть, уйти, с каким трудом приходилось ему собирать эмиров, чтобы повести их против Хусейна. Хусейн был скуп. Он, Тимур, все и всегда раздавал воинам. Хусейн был труслив. Он, Тимур, храбр. Хусейн был горд, вероломен, надмен. Чем же он привлекал сердца? Неужели и в подлости, и в гадо-сти тоже ищут своих по духу, а ему, Тимуру, на всю жизнь суждено царственное одиночество?!

Дорого ему стоил Хусейн! Дорого стоило взять Карши, выиграть бой в степи Кузы и под Самаркандом, дорого стоил поход на Ходжент, а труднее всего далась осада Балха...

Туркан-ага любила спать, уткнувшись носом ему под руку... Нет, Сарай Мульк-ханум не безразлична ему! И порою заставляет думать

Балашов Д.

Б 20 Государи Московские. Святая Русь : роман. Т. 1 / Дмитрий Балашов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-25703-0 (т. 1)

ISBN 978-5-389-25639-2 (комплект)

«Государи Московские» — монументальный цикл романов, созданный писателем, филологом-русистом, фольклористом и историком Дмитрием Балашовым. Эта эпическая хроника, своего рода грандиозный роман-эпопея, уместившийся в многотомное издание, охватывает период русской истории с 1263 до 1425 года и уже многие десятилетия не перестает поражать читателей глубиной, масштабностью, яркостью образов и мастерской стилизацией языка. Вместе романы цикла образуют хронологически выстроенное повествование, в котором события из истории крупных княжеств разворачиваются год за годом и отражены быт и нравы различных сословий, представлены судьбы, облик и характер сотен исторических деятелей.

«Святая Русь» — исторический роман Дмитрия Балашова в восьми книгах, часть цикла «Государи Московские», повествует о Куликовской битве и последовавших за ней событиях: о походе Тохтамыша на Москву и предательстве князей Суздальских, о заключении Кревской унии и подвижнической деятельности преподобного Сергия Радонежского.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ БАЛАШОВ
ГОСУДАРИ МОСКОВСКИЕ
СВЯТАЯ РУСЬ

Том 1

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ольга Попова, Ульяна Смирнова, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 15.05.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 39,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-34676-01-R